

УЧИТЕЛЬНАЯ МИССИЯ СОВРЕМЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ: ПЕРЕЗАГРУЗКА—2009

Подводить итоги литературного года сложно, так как слишком еще свежи новинки (пожалуй, единственный пример, когда свежесть не является знаком абсолютного качества), слишком неопределенны тенденции, слишком высока степень возможной ошибки в выявлении места в литературном процессе. Однако в этом и есть заманчивый интерес.

Легче всего подводить итоги года по номинантам и победителям литературных премий. А их в последнее время становится все больше. Но, как правило, выбор шорт-листов зависит от вкусов жюри, где у каждого свой стоп-кадр литературного портрета года. Так, на Букеровскую премию¹ за 2009 г. претендовали «Преподаватель симметрии» А. Битова, «Беглец» А. Кабакова, «Асан» В. Маканина, «Каменный мост» А. Терехова, «Журавли и карлики» Л. Юзефовича и многие другие. Победителем же премии «Национальный бестселлер – 2009» стал роман «Степные боги» А. Геласимова. Национальная литературная премия «Большая книга» среди своих номинантов называет романы А. Волоса «Победитель» и М. Петросян «Дом, в котором», рассказы О. Славниковой «Любовь в седьмом вагоне», биографический роман А. Марченко «Ахматова: жизнь» и др. Литературная премия НОС, основанная в этом году благотворительным фондом Михаила Прохорова для выявления и поддерж-

ки новых трендов в современной художественной словесности на русском языке, выделяет совершенно другие произведения: «Люди в голом» А. Аствацатурова, «Роман Арбитман» Л. Гурского, «Тайная жизнь петербургских памятников» С. Носова, «Сказки не про людей» А. Степанова, «Каменные клёны» Е. Элтанг. Трудно не заметить, что в списки не попали ни В. Пелевин, ни В. Сорокин, ни популярная Д. Рубина, ни много пишущая Г. Щербакова, ни модный Б. Акунин. А ведь еще есть премия «Дебют» и «Ясная Поляна», премия А. Григорьева и И. Белкина, у каждого толстого литературного журнала есть свои ежегодные премии. Убеждаешься в точности метафоры, использованной критиком Н. Ивановой: «невеста Букера» – «Вся наша современная словесность, соревнующаяся за награды, принимающая допинги, участвующая в забегах: одних только премий (не считая конкурсов) на Россию более двухсот. <...>Премии провоцируют профессионализацию литературы, но поощряют графоманию профессионалов! Писатели начинают жить

по премиальному календарю, что на- поминает искусственную стимуляцию родов»².

Поэтому «героями» этой статьи станут произведения, выбранные по иному критерию. Конец литературного 2008 г. был ознаменован интересным проектом. Из Москвы во Владивосток отправился «Литературный экспресс»; поезд повез по стране с остановками в пятнадцати городах — от Нижнего Новгорода и Перми через Новосибирск и Красноярск до Читы и Хабаровска — сорок писателей (Д. Быков, З. Прилепин, А. Варламов, П. Дашкова, И. Иртеньев, Е. Попов, В. Ерофеев, С. Лукьяненко и др.). Цель — пропаганда современной отечественной литературы и популяризация чтения — во многом была достигнута. Разогнавшись, «Литературный экспресс» въехал в 2009 г., в котором будет многое: и появление новых литературных имен, и тяжелые утраты³, и чаепитие писателей с премьером, с одной стороны, и переписка В. Акунина и Л. Улицкой с М. Ходорковским — с другой. В какой-то степени можно утверждать, что непростой, кризисный 2009 г. предложил новые литературные маршруты. Какие они?

Современность, кричащая, яркая, противоречивая, постоянно бросает вызов литературе, действуя как мощный раздражитель и заставляя играть по ее правилам. Захар Прилепин, писатель, остро чувствующий время, в котором живет, тем не менее, признался в одном из интервью, опубликованных в этом году, что у современности есть странное свойство: «Ее почти невозможно описывать в художественной реалистической литературе, не отступаясь в памфлет или в пошлость. <...> в 20-е гг. прошлого века русский писатель мог ввести в текст фамилию "Троцкий", слово "нэпман" и слово "продразверстка". Но если в современном художественном тексте появляются "Ельцин", "новый русский" и "приватизация", сразу начинается какая-то пакость — читать это не

хочется совершенно»⁴. В литературе сегодня присутствуют — «фактически одновременно — две разнонаправленные тенденции: подальше от злобы дня — и поближе к ней. Какая победит?»⁵ — задает вопрос

Н. Иванова. Кризис в восприятии современных писателей не случайно стал некой апокалиптической точкой отсчета, временем «после», когда обнуляется система ценностей и обретаются новые символы веры: такой подход дает возможность современным интерпретациям классических мифов и легенд. Оказалось, что о собственном будущем и судьбах страны стало удобней размышлять в формате сказки, мифа, антиутопии, альтернативной истории, используя базовые образы и базовые схемы. Современные философы отмечали не раз, что художественным приемом, наиболее адекватным современным вызовам, становится инверсия, способная при помощи переконструирования внимания исказить все поле изображения текста и, в конечном счете, пересистематизировать миро-вооззрение читателя. Миф перестал быть способом вмещения и понимания реальности, а сделался способом ее замещения. Первым антикризисным романом стал **"Р. А. В." (Рациональная Альтернатива Безработице) Сергея Минаева**, в котором показана разочарованность офисного персонала, бунт менеджеров, тюрьма и вечное усмирение. Это роман-катастрофа, книга о похмелье, наступающем после продолжительной эйфории от роста котировок и удешевления потребительских кредитов, превративших менеджера среднего звена в икону современной России. Теперь главному герою, совсем недавно обсуждавшему достоинства ипотечных схем, остается только выходить на улицу строить баррикады. Критики справедливо отметили, что адресат романа явно сужен: это «офисный планктон», который узнает в героях Минаева себя и себе подобных. В череде «антикризисных» произведений 2009 г. роман **Натана**

Дубовицкого "Околоноля" привлек внимание как одна из литературных мистификаций, которыми богата наша современная литература. После публикации романа в приложении к журналу «Русский пионер» стали говорить о том, что под именем Н. Дубовицкого скрывается зам. главы администрации президента В. Ю. Сурков. Видимо, именно с «загадкой автора» связаны и попытки прочитать роман как резюме эпохи, в котором 1990-е и 2000-е предстают как трагикомический карнавал, участники которого поглощены лихорадочной сменой масок, и попытки прочитать что-то между строк. Герой романа Егор Самоходов, проведя последние советские годы в специализированном подразделении большого госиздательства, подключается к авантюрному, в духе новой эпохи, проекту своего коллеги-редактора. Братство черной книги, куда принимает Егора коллега Игорь, — не оккультная секта, а всего лишь бизнес-организация, извлекающая выгоду из хаоса, царящего на постсоветском книжном рынке. Направлений работы несколько: нелегальное книгопроизводство, реализация неучтенных тиражей, коммерческие мистификации и фальшивки, а также обслуживание богачей, имеющих литературные амбиции, то есть продажа таким людям текстов, купленных у нищих писателей. На этом пути Егор превращается в несколько утрированного экспрессионистской авторской оптикой человека 1990-х. Ему приходится мошенничать и убивать. В 2000-х чернокнижник уже приторговывает текстами собственного сочинения, хотя в основном занят все тем же теневым литературно-медийным менеджментом, вербовкой поэтов-люмпенов и продажных журналистов⁶. К современным «антикризисным» романам можно отнести и **«Дом на Озерной»» Андрея Геласимова**. 2009 год был для писателя А. Геласимова очень удачным. За роман «Степные боги» он получил премию «Национальный бестселлер» и вошел в лонг-лист Букеровской премии.

Успехи спровоцировали быстрое появление нового романа. Рейтинг редакции:

- Лучше пройти мимо.
- Можно читать.
- Достойно прочтения.
- Прочитать обязательно.
- Приобрести в личную библиотеку.

«Имя Геласимова стало синонимом реализма в новой русской словесности, мечущейся от утопии к слегка беллетризированной публицистике, но в «Доме на Озерной» писателю изменила его обычная трезвость взгляда. <...> На этот раз Геласимов написал поучительную сказку про хороших, но испорченных квартирным вопросом людей, чья жизнь волшебным образом переменялась, потому что они научились ценить то, что имели. Как ни трудно мне это признать, но, похоже, за удобочитаемость автор действительно платит легковесностью»⁷, — пишет обозреватель Тимофей Яржомбек. Эта история членов большой провинциальной семьи, которых пресловутый экономический кризис прибил друг к другу. Они, как в Ноевом ковчеге, оказались в домике родителей на Озерной. Герои романа кинематографически точны и узнаваемы: хрестоматийный интеллигент — врач, слабый и забитый; его красивая амбициозная жена, презирающая мужа за то, что тот ничего не добился в жизни; дочь с лишним весом и проблемами переходного возраста; шурин — авантюрист с легким характером, любимец семьи и одновременно, как это часто бывает, паршивая овца в стаде; муж еще одной сестры — дальнобойщик, его жена с неудовлетворенными актерскими амбициями, предающаяся мечтам за крепкой мужниной спиной, и сын — юный националист, а еще приехавшая после долгого отсутствия родственница с мужем-таджиком и маленькой дочкой. Все члены этой большой семьи становятся заложниками сделки с кредитами и теряют свои квартиры. При абсолютно узнаваемых реалистических деталях финал и авторская ин-

тонация все же создают сказочный эффект: *«Обитатели дома на Озерной, собранные там волей случая и своей собственной слабости, не получили того, на что они рассчитывали. К ним вернулось лишь то, что было у них изначально и чем они рискнули ради совершенно эфемерной затеи. Однако даже это простое возвращение на прежние позиции сделало их безмерно счастливыми, и размышляя об этом, можно бесконечно удивляться тайнам человеческой души, которая, несомненно, больше радуется возвращению утраченного, чем приобретению нового»*.

В современной литературе явно наметилось противостояние гламурной и антигламурной литературы. Мир гламурной литературы подкупает своей псевдоискренностью, создавая иллюзию правильного, красивого и справедливого мира, антигламурная литература вне зависимости от своего качества и политической направленности (либеральной или национал-большевицкой) становится своего рода оппозицией. Это очень хорошо понял, например, Е. Гришковец, балансирующий на грани «литературы о потреблении» и «литературы потребления», говорящий просто о простых, узнаваемых вещах.

Важной особенностью 2009 г. стали литературные дебюты нового поколения писателей, открывающих своим творчеством первое десятилетие XXI в. Мифы, порожденные современной литературой, имеющие художественную форму и художественное бытие в рамках современной культуры, на самом деле являются лишь художественными вариациями господствующего социально-политического мифа. В этой связи интересно понять, как молодые писатели сканируют действительность, как определяют пресловутую национальную идею. Так, заслуживает внимания **роман Александра Снегирева «Нефтяная Венера»**. Лауреат премии «Дебют», автор книг «Сделано в Америке», «Моя малышка», Снегирев,

по мнению писателя старшего поколения Е. Попова, «пытается работать "поверх барьеров" авангардизма, "чернухи", лакировки, самолюбования, макабра, попсы и прочей мути»⁸. Автор не боится табуированных тем: его герой, ныне хорошо зарабатывающий архитектор, 15 лет назад вместе с юной женой отказался от своего сына-дауна, которого в итоге взяли на воспитание бабушка и дед. После внезапной смерти родителей герой остался с пятнадцатилетним Ваней. Устоявшаяся благополучная жизнь рушится в один момент, но на ее обломках рождаются новые смыслы, новый взгляд на мир, новая любовь: к сыну и к стране: *«Вот она, моя Россия – взбалмошная дамочка, привыкшая к деньгам и вниманию мужчин. Все прекрасно понимают, что она груба и вульгарна, что она пьет и скандалит. Но достаточно одной её улыбки, и ей всё простят. Одной её нежной улыбки, одного взгляда в самые глаза. И ты уже поплыл, ты уже не владеешь собой. Моя родина, каждый шаг которой непредсказуем. Сегодня облачена в роскошное платье, ласкается и зовёт, а завтра откроет дверь, накинув мятую, заляпанную футболку, оттолкнёт и не узнает. Захочет – в лицо плюнет, а захочет – отдастся. В носу щиплет. Я незаметно вытираю глаза пальцами. Это от любви. Я люблю весь этот бардак, являюсь его частью. Мне не нужен никакой порядок, кроме этого хаоса. Кроме этой неопределённости. Спасибо тебе, страна, за страсть, спасибо за ужасы, спасибо за прелесть, спасибо за страдания»*. Кстати, необходимо заметить, что поколение писателей нового века разительно отличается от своих предшественников, выросших на обломках рухнувшей советской империи и постоянно сводивших счет с ее системой и мифами, тем, что пытаются понять смысл патриотизма. Есть ли он? Из чего он вырастает? На чем строится? Не случайно критик

О. Мартынова в статье «Загробная победа соцреализма» (OPENSPACE.RU), написанной для немецкой газеты «Neue Zuercher Zeitung» и вызвавшей широкую дискуссию, приводит примеры, иллюстрирующие феномен ренессанса советского литературного вкуса и реабилитации советской культурной идеологии: «Господствующий литературный вкус стал, наконец, таким, каким официальная советская критика всегда хотела, чтобы он был: прямое повествование, весьма отдаленно напоминающее классические образцы; как правило, очень сентиментальное; сильно идеологически ориентированное; примитивное по языку и оперирующее чрезвычайно упрощенными картинками мира. Вот она, загробная победа социалистического реализма! В этом вкусе оказались воспитаны и "новые прозаики" нулевых годов». Недавно писатель Роман Сенчин, вошедший в этом году в шорт-лист Букеровской премии, опубликовал сборник рассказов «На севших батарейках». Название рассказа, вынесенное в заглавие сборника, стало точной метафорой для обозначения ограниченности, истощенности духовных ресурсов человека, продолжающего жить и двигаться вперед скорее по инерции, нежели благодаря силе и логике внутреннего императива. Сегодня, как считают современные критики, эта метафора оказалась актуальной для обозначения культурной ситуации в целом. Роман **Олега Сивуна «Бренд»** был номинирован на премию «Дебют», получил премию журнала «Новый мир» и Новую пушкинскую премию 2009 г. «Мой мозг абсолютно отключен. Логика супермаркета становится моей логикой навсегда. Я в какие-то моменты не осознаю себя. Я себя постоянно теряю. <...> Я чувствую себя копией самого себя. Но я не чувствую ничего общего ни с кем. Я не чувствую родства ни с одним человеком, хотя мы так похожи. Мы все слушаем одну и ту же музыку, смотрим одни и те же передачи и фильмы, носим одну и ту же одежду,

пользуемся компьютерами, говорим по мобильным телефонам, но между нами нет ничего общего», — признается главный герой. Подготовленные к варианту Единого государственного экзамена по литературе читатели почувствуют своего в авторе романа, который составил свой «поп-арт роман» из 26 глав (по количеству букв латинской азбуки) и каждую букву проиллюстрировал брендом — из числа всемирно известных. Получилось краткое путешествие в мир потребительских иллюзий, в страну звучных коммерческих имен. Роман «Бренд» представляет собой что-то вроде развернутого инвентарного списка современных брендов. Повествователь Сивуна исходит из того, что мир сегодняшний — это некое собрание, некая комбинация брендов: кукла Barbie, Coca-Cola, Ford, Andy Warhol, Google, IKEA, Kodak, Lufthansa и др. Мир этот — это не только мир автора, но и универсальное определение действительности, некий информационный код. Издатель Ольга Морозова так оценила новый роман: «Мне он понравился. Я приняла решение об издании этой книги буквально за 15 минут. Она понравилась мне своей искренностью и неэпатажностью, скажем так. То есть эпатажностью, конечно, присутствует в силу возраста. Но там отличный русский язык, никакого мусора. Она в каком-то смысле совершенно нигилистская, пофигистическая, если так можно выразиться, и она содержит совершенно замечательную 16-ю главу, которая называется "Путин". Прочитав именно эту главу, я и приняла решение об издании этой книги». Герой романа объясняет свой интерес к фигуре Владимира Путина так: «Моя жизнь никак не связана с Путиным, но я никак не могу отделаться от его образа. Все, что он говорит, мне не кажется серьезным. Все, что он делает, мне не кажется важным. Мне плевать на его жизнь, на его дела и на его смерть, но он интересен мне как поп-идол. О нем сочиняют и поют

песни, Путин на футболках и на матрешках, Путин не сходит с экрана телевизора. Он – то, чем можно заполнить любую пустоту. Если политик становится поп-фигурой, то это хороший политик. Если политик стал художественным образом, тогда его работа не так бесполезна. Но если сравнить Путина с Coca Cola, то Coca Cola мне нравится больше, хотя бы потому, что она вкуснее. А еще мне кажется, что Coca Cola переживет Путина. Бренд Путин был взят потому, что была некая необходимость политического бренда. Потому что в некотором роде книжка, если коротко сказать, обо всем. Все бренды – из разных областей. И бренд Путина – это бренд политической власти, некий символ, но преломляется он несколько специфическим образом. Я думаю, что в реальности он, конечно же, во многом бренд. Во всяком случае, в 2000-х он таковым стал». Инфантильный и наивный герой Сивуна – это предельно обезличенный, лишенный всяких индивидуальных примет «гражданин вселенной», живущий в мире копий, ремейков и секенд-хенда. Попытка составить азбуку «человека потребляющего», библию общества эпохи духless явно перекликается с попыткой «перевести» на язык современной культуры/антикультуры десять библейских заповедей, осуществленных в пьесе Ивана Вырыпаева «Кислород». «Прикидываясь “человеком без свойств” и синтетической куклой, герой/повествователь на самом деле имитирует и жестоко пародирует тот порядок, в котором царствуют людиксероксы, а жизнь легко умещается в рекламный ролик знаменитой фирмы. Говоря от лица пустоты, герой эту самую пустоту выворачивает наизнанку, демонстрирует ее безжизненность и одномерность»⁹, – полагает критик А. Мирошкин. Мышление телевизионными образами, подчинение единой метафорической системе стало особым свойством «оптической памяти» читателя нового века. Мно-

гие исследователи сегодня самым значимым событием XX в. называют видеократическую революцию. Активно тиражируемые в последнее время комиксы стали типичным примером искусства «плоскостного восприятия», и распространение их есть показатель специфического характера визуальности современной культуры. В связи с этим абсолютно закономерно, что каждую главу О. Сивун завершает «бонусом» – сценарием вымышленного рекламного ролика бренда. Власть телевидения над личностью декларируется в романе с наивностью и инфантильностью, свойственными современному человеку: «Мы способны сопереживать друг другу только посредством телевизора. Если у меня под окном кому-то отрежут голову и это не покажут по телевизору, я буду считать это своей фантазией. Чтобы я понял трагедию человека, мне нужно, чтобы о ней рассказали по телевизору, мне нужно, чтобы эта трагедия была скопирована в сознание тысячам людей, чтобы она распределилась на всех, а не на меня одного. Если о трагедии сказали по телевизору, то это действительно важно, а все остальное мелочи». «Читатель бессознательно вовлекается в процесс идентификации, он участвует в драме и мистерии, у него возникает чувство личного приобщения к действию <...> с помощью масс-медиа происходит мифологизация личностей, их превращение в образ, служащий примером <...> Повествовательная проза и, в частности, роман, в современных обществах заняли место мифологического рассказа и сказок в обществах первобытных»¹⁰, – эти слова М. Элиаде во многом объясняют, почему литература оперирует чистыми, прозрачными, внятыми и недвусмысленными фигурами, совершенными формулами архетипических состояний. Герой одного из рассказов Р. Сенчина, начинающий современный писатель, рассуждая о том, как нужно писать сегодня, изобретает своеобразный рецепт, в кото-

ром преобладает не новизна, а вторичность: «Вполне можно попытаться написать такую вещь, по содержанию она будет близка распутинским "Деньгам для Марии"... Да, почти идентична с ней, но, конечно, с учетом сегодняшнего времени. И показать, что через тридцать с лишним лет ничего не изменилось, а, скорее, страшнее стало, бесчеловечнее... И хорошо, хорошо, что будет похоже на повесть Распутина — сейчас римейки в большой моде, на них лучше клюют, чем на полную, стопроцентную оригинальность». В этих словах предельно точно отражаются тенденции прозы молодых. Сегодня идет кристаллизация нового жанрового костяка современной литературы, смена кодовых, моделирующих литературное направление жанров; наиболее востребованными и жизнеспособными оказываются жанры, уже апробированные масскультом. Примером может служить **повесть-комикс Олега Лукошина «Капитализм»**. Как известно, комиксы занимают особое место в современной массовой культуре, в которой литература становится частью медиакультуры: печатный текст переводится в визуальный — экранизируется, а потом и тот, и другой могут трансформироваться в вербально-визуальную форму — комиксы и компьютерные игры. Жанровое определение повести О. Лукошина свидетельствует о своеобразном круговороте: комикс стремится стать литературным текстом. На роль трансформированного текста автор повести выбирает не что иное, как «Капитал» К. Маркса. В повести Лукашина осмеянию подвергается и капитализм, и книга Маркса, и идея маргинальной революции, «бунта люмпена». Главного героя комикса зовут Максимка не случайно. Он настоящий максималист, маргинал, не имеющий ничего, кроме томика Маркса, который для него и Библия, и «Катехизис революционера» в дорожной котомке. «Капитализм» Лукашина, безусловно, отсылает к горьковскому «В людях» (еще одно объяснение имени — тра-

диции Максима Горького просвечивают не только в сюжете, но и в стиле). Главного героя сначала выгоняют из дома, а потом пытаются безжалостно эксплуатировать. О. Лебедушкина точно называет повесть «декамероном труда», ведь путешествия Максима — это калейдоскоп не только городов, но и рабочих мест: «В Волгограде нежданно-негаданно ему блатная работенка подвернулась. По крайней мере, все так говорили. Да и он и сам понимал, что с работой ему крупно повезло. "Человек-сосиска" — вот как она называлась. Ну, вообще-то официально она промоутером звалась (слово ему понравилось, грозное такое), но никто ее, кроме как "человек-сосиска", не называл. Да и как ее звать иначе? Надеваешь на себя картонный балахон в виде сосиски, только лицо наружу выглядывает, ходишь по площади, приплясываешь и всем проходящим раздаешь бумажки с названием и адресом забегаловки, где эти самые сосиски продаются». Максим работает попрошайкой и воров, сельскохозяйственным рабочим на помидорных плантациях, рикшей, продавцом бытовой техники, ходячей рекламой забегаловки, торгует контрафактом на рынке и т. д. Однако он проходит все испытания огнем, водой и медными трубами (под палящим солнцем на томатных плантациях Максимке единственному из работников удается дожить до зарплаты, а демонический Великий Капиталист помогает открыть ему собственный бизнес, который потом сам же герой уничтожает). В финале повести Максим покупает у «старообрядцев» автомат и захватывает местное телевидение в отчаянной надежде быть услышанным хоть кем-то. Когда герой уже уверен, что до смерти остались секунды, оказывается что подобные захваты были произведены революционерами-одиночками по всей стране, а потом и во всем мире и гнилой капитализм оказался низвергнутым («Максим пьян от счастья. Сил не хватает сдерживаться, и он плачет. — Не будет больше на

земле капитализма! — шепчет он. — Не будет больше эксплуатации! Новый мир будем строить! Свободный, справедливый! Господи, какая же жизнь сейчас начнется!»). Роман **Андрея Аствацатурова «Люди в голом»**, по мнению критиков, обязательно должен был рано или поздно быть написан. Автор в одном из интервью объяснил успех романа так: «Думаю, очень ко времени оказался сам герой: сегодня читателю, наверное, нравятся истории про лузеров вроде меня — как и мой персонаж, я человек не особо везучий. Во время кризиса падает спрос на звездно-полосатую американскую мечту: когда вокруг такое происходит, очень трудно и дальше верить, что всего можно добиться с нуля, своими силами, и что социальный успех — главное, к чему можно и нужно стремиться в жизни. Собственные усилия — это, конечно, хорошо, но большая часть нашей судьбы, как показывает практика, предопределена изначально. Она заложена в наших родителях, бабушках и дедушках, наших женах, друзьях детства, любовниках и любовницах. А помимо социального успеха есть и другие важные вещи — например, просто быть собой. И, видимо, мой герой, который живет в рамках этого реалистичного и по-своему комфортного взгляда на мир, людям сегодня близок и симпатичен»¹¹. Герой Аствацатурова, полностью тождественный ему самому (не случайно в отзывах на роман звучит сравнение с С. Довлатовым), — рафинированный интеллигент, преподаватель СПбГУ, потомственный филолог, внук выдающегося литературоведа и лингвиста Виктора Жирмунского. Роман состоит из микроновелл: о доме, детстве, школе, университете, о Петербурге, друзьях, коллегах. Так, например, одна из описанных историй проясняет странное, но притягательное название романа: «Вьетнамец, учившийся в СССР, однажды сочинил сценарий, начинавшийся так: "Американские насильники насилуют вьет-

намскую женщину в голом. Женщина в голом зовет на помощь. Подлые смехи". Герой принадлежит к породе вузовских гуманитариев, людей, «которых уже не литература, а сама жизнь назначила стать "лишними" и "маленькими" в эпоху нефтедолларов, гламура, индустрии звезд, а также грантов и зарубежных спецпроектов. Университетский филолог — наверное, один из главных лузеров отечественной высшей школы, существо, приговоренное Министерством образования и науки к постепенному сокращению численности вплоть до полного уничтожения, — тоже поднял голос в отечественной литературе, чтобы заявить о себе»¹², — так в одной из критических статей определяется место романа в современном литературном процессе. «Буду брать пример с москвичей и писать о человеке. С замысловатым сюжетом обязательно чтобы. Мне все-таки нужны деньги. Зарплата у преподавателя небольшая, сами знаете. Квартплату недавно повысили и плату за телефон. А у меня долги, алименты и хронические заболевания внутренних органов. Ремонт нужно делать, на кухне и в ванной. Квартира — она ведь как проститутка. Денег постоянно требует. Недавно вот штукатурка в коридоре скрприз преподнесла — на пол упала. Похоже, ей надоело за двадцать лет на одном и том же месте. Так что готовьтесь. Буду рассуждать о человеке. Да и вам, дорогой читатель, всяко интереснее. Очень хочется хорошо написать о человеке. Не как попало, а именно хорошо: чтоб зацепило, как крючком, чтоб задело, чтоб кузнецик, сидящий у вас там внутри, застрекотал, вылез наружу и начал питаться свежей травой. А по спине пробежали мурашки. Чтоб вздымалась грудь, и не тихо, как у кого-то там, а бурно, как море на картине Айвазовского "Девятый вал". Чувствую, надо исповедаться, отворить кран души, прикоснуться к струнам личного. <...> Надо писать книги о

себе. Если не книги, то хотя бы статьи. Но в заглавие непременно ставить слова "Как я...". Например: "Как я ходил во власть". "Как я стал черносотенцем" (тоже всем необходимо узнать в целях, так сказать, повышения образованности). "Как я перестал быть структуристом и почему" (это, правда, совершенно неинтересно широкой публике, но филологическая элита оценит). <...> Словом, произвести побольше таких "каков". Читатели ценят "каки" и любят "каки". "Каки" отдают ароматом чего-то неповторимо личного и сугубо человеческого». Внутренний (гуманитарный) конфликт с московской средой, московскими издательствами, московским запросом на определенную гламурную литературу, пронизывающий книгу, заставил критиков сопоставлять ее с замечательным романом Ю. Олеши «Зависть». Дебютный роман **Всеволода Бенигсена «ГенАцид»** сразу попал в лонг-лист Букеровской премии. Актуальность темы и провокационность названия во многом определили интерес к этому произведению. Своеобразным ответом на поиски национальной идеи стал этот антиутопический роман. ГенАцид — аббревиатура, означающая Государственную Единую Национальную Идею, которая должна сплотить разобщенный российский народ. Россия решила объединиться на почве любви к отечественной литературе. В рамках этого масштабного нацпроекта президент издал указ, предписывающий каждому гражданину активно участвовать в сохранении культурного наследия, выучив определенный фрагмент классического произведения. Полигоном для эксперимента стала затерянная в глубинке деревня Большие Ущеры. Было объявлено, что в час Икс на всей территории страны вводится ГенАцид: каждый гражданин государства заучивает наизусть какой-либо текст известного русского прозаика или поэта и на всю жизнь запоминает его. Таким образом, все россияне станут причастны к делу

сохранения родной культуры, и слова Пушкина, Достоевского, Есенина, Ахматовой пустят ростки в душах. Сначала маргинальные жители деревни активно противятся эксперименту: «К трем часам они с сержантом отвезли книги в клуб. Пахомов ушел к себе отсыпаться, а Черепицын, проклиная все на свете, вернулся в участок. И сразу зашел к Поребрикову... Черепицын положил перед арестантом увесистую книгу. — Что это? — хмуро спросил Поребриков, потирая опухшие от сна глаза. — Конь через плечо. Платонов. Писатель. Учить будешь. Наизусть. Сон у Поребрикова как рукой сняло. — Не, сержант, — испуганно затараторил он. — Я на это дело не подписывался. Мне пятнадцать суток. Это да. А вот это. Это нет. Да за что? ... Эксперименты над живыми людьми ставить на себе не позволю. Я это... буду писать. В конвенцию по правам человека». Потом жители Больших Ущер смирятся и, распределив полученных по разнарядке Бродского, Крученых, Чехова и Платонова, сначала к ужасу продавщицы Таньки устраивают спонтанные чтения в продуктовом магазине, а потом — ежевечерние «читки» под непременную водку. Постепенно односельчане почувствовали что-то странное и вокруг, и в себе, «что-то все же неуловимо изменилось — может, задача, поставленная накануне перед каждым жителем деревни, незримо витала в зимнем воздухе, а может, просто литература, о которой уже никто со времен школы не помнил, вдруг стала актуальнее кино и телевидения, которые, оказывается, только нагло пользовались ею то как служанкой, то как рабыней, то как наложницей. Теперь же поэты и писатели вроде как снова обретали давно утраченный ими статус властителей дум. И книжки с заложенными страницами хоть и лежали нераскрытыми, но уже как будто требовали к себе внимания, просили не откладывать на завтра то, что можно сделать сегодня». Главный герой рома-

на Антон Пахомов оказался в деревне именно потому, что стремился к абсолютному хаосу, найти который удалось именно в Больших Ущерах. «Именно здесь Антон убедился, что любая попытка придать природному хаосу осмысленность и порядок приводит в лучшем случае к недоразумению, в худшем — к катастрофическому результату». Его научная теория, особое видение российской истории, отталкивающейся от мифа, именно в этой богом забытой деревушке приобрела особый смысл: «Если архитекторы храма Василия Блаженного не были ослеплены, Сусанин не заводил поляков в лес и не отдавал "жизнь за царя", Чапаев не тонул, героически гребя одной рукой, а просто умер на плоту во время переправы, Каплан не стреляла в Ленина, а Крюков не кричал "Отступить некуда — позади Москва", то куда девать историко-культурную память, которая этими легендами живет? Искаженная фраза гораздо красивее настоящей. Миф интереснее фактов. Легенда жизнеспособнее правды. Корни, пущенные альтернативной историей, столь глубоки, что, начни мы их выкорчевывать, выйдет только хуже. Таким образом, возникает эффект "воткнутого ножа", где роль раненого играет история, а миф — роль ножа. Вынув нож, вы обрекаете несчастного на смерть от потери крови, а не вынув — на долгую и мучительную смерть от заражения крови, поражения органов и прочее». Андрей с интересом наблюдает за экспериментом, поставленным над деревенскими жителями. Постепенно создали новояз: имена для тех, кому досталась проза, и для тех, кому достались стихи, для рифмованных стихов и для нетрадиционной поэзии, для законченных произведений и для отрывков. Придумали игру: выигрывает тот, кто выпивает больше всего алкоголя и при этом умудряется ничего не напутать в своем тексте. Потом придумали войну: прозаики против поэтов. Потом придумали врагов народа и пошли пьяным крестовым

походом на библиотеку, оставляя за собой трупы в кровавых лужах. Критики уже пытались интерпретировать «Генацид» как иносказание о «книжных» истоках революции и террора. «Книжки им дали почитать. Вот и дочитались», — говорит один из персонажей, увидев указ в действии. Именно книги становятся здесь катализатором геноцида — настоящего, без кавычек и буквы «а». Автор показывает метафизическую изнанку, оборотную сторону русской духовности и литературоцентризма, и изнанка эта, по версии Бенигсена, чудовищна. Роман этот — даже не антиутопия, а какая-то черная притча-фантазия о русской жизни. Бенигсен рассказал очень невеселую историю. Это своего рода роман-диагноз, где проговорены некие важные для нашего сегодняшнего (и завтрашнего) дня вещи — в форме жестокой сказки¹³, — пишет обозреватель «Независимой газеты» А. Мирошкин. Бенигсену удалось показать, что чтение — вещь непростая, и литература, становящаяся Генеральной Национальной Идеей (Генацидом), неизбежно оборачивается геноцидом, в ходе которого русские уничтожают самих себя: «Вот она! Государственная единая национальная идея во всей своей красе.

ГЕНАЦИД, воплощенный в жизнь. Пусть другие народы верят в счастливую жизнь, пусть они в едином порыве куют свое светлое будущее. Нам же надо совсем другое. Нам нужна беда. Нам нужен враг. А где беда и враг, там и страх. Кто там борется за идеалы? Ха! Да в гробу мы видали ваши идеалы! Мы не воюем "за", мы воюем "против". Дайте нам все разрушить сначала. Дайте нам беду! Потому что беда — это не какие-то сказки о светлом будущем. Беда — это светлое настоящее. Беда развязывает руки. Только она и даст ту свободу, которую никогда не даст ни какой-то там абстрактный идеал, ни тихое счастье, ни демократические принципы. Хаос. Вот

что нас сплотит по-настоящему. И его составляющие. Беда, страх и желание выжить». Роман В. Венигсена перекликается с новым романом **Дениса Гуцко «Домик в Армагеддоне»**. Книга рассказывает о мальчишке Фиме, оставшемся после смерти бабушки на попечении отца и его новой жены. Не желая быть помехой в новой семье, он уходит во Владычный

Стяг — молодежную полуцерковную, полувоенную организацию, призванную защищать православие. «Первое, что объясняют каждому новичку: Стяг — не православные бойскауты, как выли шакальи радиостанции, Стяг — дело для настоящих мужчин. Никакой сусальной попсы, никаких больше пикетов с плакатами "Слава Богу!"». Очевидно, что эта организация — гибрид армии и религиозной общины, церковь-казарма, или казарменная церковь, где военное явно доминирует над духовным. Уроки православия от отца Михаила чередуются с физподготовкой, рукопашным боем, полезным трудом. От послушников требуют жесткого распорядка, дисциплины, сплоченности, как в армии. Каждому «стяжнику» выдается жетон с номерком, к которому привешивается крест. Критики тут же увидели аналогию — такие жетоны давали в СС, индивидуальный номер всецело поглощал личность. Гуцко и в предыдущих произведениях ставил большие вопросы. Известно, что в России действует множество молодежных православных организаций, чаще называемых братствами, но эта тема, пожалуй, впервые поднята в литературе. Действие романа происходит в «Шанс-Бурге» — бывшей захудалой деревне Шанцевке, где после высылки казино из центра за сто первый километр возводят русский Лас-Вегас. Фима пытается помешать застройщикам при попустительстве продажного губернатора и равнодушной патриархии перенести куда-то на высылки часовню Ивана Воина, чтобы освободить место под казино. Фима с друзьями, ночью, захватив бульдозер, разрушает

стройку, пишет на заборе и машинах слово «Армагеддон», рисует смерть с косой и православное граффити. Это они называют — «армагеддонить». Армагеддон — это наступившая эра религиозных войн, которые сами по себе, независимо от изначального благородства цели, становятся еще большим злом, нежели то, против чего они затевались. Позже Фима попадает в новое братство, действующее неофициально, — «Православную Сотню». Однако вскоре и здесь герой начинает терять себя, вместо того, чтобы обрести. Желанное чувство единения оборачивается новым витком отчуждения, недаром на тренировках Фима видит перед собой кирпичную стену (которую его учат перелезать) и толстую веревку, привязанную для страховки. «Как вдруг сузилась жизнь — захлопнулась: кирпичная стенка и веревка, натянутая в пустоте...» Отец Фимы, пришедший за сыном в братство, «с удивлением разглядел вскоре, что здешний мир вообще строится из вполне земных, внешних вещей — а вера тут как бы не причем. Бога в этом доме вспоминают исключительно в разговорах о грядущем величии России, управляемой, насколько мог понять Степан Ильич, глубоко верующим, воцерковленным президентом. Тогда говорили — Бог даст, во славу Божью, одолеем с Божьей помощью... Православием здесь бряцали как оружием. Часто проклинали его врагов, которых делили на нехристей и хриstopродавцев. ... Все это сильно огорчало Степана Ильича: он чувствовал, что ему никогда не увлечься этой замысловатой игрой, смешавшей храм и политику...» После получения в 2005 г. Буковской премии за дебютный роман, Д. Гуцко в интервью своему коллеге З. Прилепину сказал о романе, который он хочет написать: «Он будет о невозможности в России оставаться честным и жить жизнью сытого обывателя. Увы. Я сам хотел бы, чтобы было наоборот. Я ведь обыватель по натуре — мне бы растить

КРУГ ЧТЕНИЯ

ребенка, обустроить дом свой, влать есть и пить. Но, кажется, это в моей стране неосуществимо. По крайней мере, до тех пор, пока страна – всего лишь территория, примыкающая к трубе». Новый роман Д. Гуцко и его острая публицистика показывают, что автору жить спокойно жизнью обывателя пока не хочется. Выбор произведений, о которых шла речь, субъективен, и литературный портрет 2009 г. наверняка ярче и многообразнее (скда, безус-

ловно, могут войти новые романы В. Пелевина, Д. Рубиной, Р. Сенчина, Л. Юзефовича и многих других). Но все же, представляется важным увидеть явно обозначившуюся тенденцию: молодые писатели медленно и не всегда успешно, но пытаются вернуть литературе утраченную «учительную роль». Получилось ли это – покажет новый 2010 год, Год учителя.

Примечания

1. Необходимо отметить, что в 2009 г. студенты разных факультетов нашего университета впервые приняли участие в молодежном межвузовском проекте «Студенческий Букер», цель которого – привлечь внимание молодых читателей к современной литературе. Альтернативное студенческое жюри выбирало своего победителя из лонг-листа Букеровской премии. В финалисты конкурса эссе вышел магистрант филологического факультета Е. Мигалев.

2. *Иванова Н.* Невеста Букера. Критический уровень 2003/2004. М., 2005. С. 346.

3. В 2009 г. ушли из жизни поэты С. Михалков, А. Парщиков, Л. Лосев, Вс. Некрасов, писатели М. Кононов, В. Козлов, Е. Парнов, Е. Родов, В. Аксенов и др. Многие из них олицетворяли целые литературные эпохи.

4. Огонёк. 2009. № 17.

5. *Иванова Н.* Писатель и политика // Знамя. 2008. № 11.

6. См. подробнее: *Решетников К.* Блеск и нищета чернокнижия // www.izvestia.ru/culture/article3131219.

7. <http://www.openspace.ru/literature/events/details/13848/?expand=yes#expand>

8. *Попов Е.* Вступительная статья к рассказам А. Снегирева // Знамя. 2006. №7

9. *Мирошкин А.* Диктатура ярлыков // НГ ЕХ LIBRIS 14.07.09.

10. *Элиаде М.* Аспекты мифа. М., 1995. С. 125.

11. <http://www.runewsweek.ru/article/29244>

12. *Лебедушкина О.* Возвращение лузера. О любимчиках и пасынках «нового производственного романа»-2 // Дружба народов. 2009. №11.

13. *Мирошкин А.* О сельском библиотекаре и русском бунте // ЕХ Libres – НГ (27.08.09).